

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Т. 31. № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И.</i> Женский головной убор-парик пазырыкской культуры из могильника Чесноково-2 (Алтай)	7
<i>Ши Ханьда, Курбанала Ж.</i> Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие	22
<i>Илюшин А. М.</i> Средневековый комплекс вооружения на курганном могильнике Ваганово-1	46

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кайряк А. А.</i> Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края)	60
<i>Лиджиева И. В.</i> От традиционных целителей к дипломированным врачам: медицинская помощь в кочевом обществе последней трети XIX — первой трети XX в.	76
<i>Кобец О. В.</i> Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы	91
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах	108
<i>Шайдуров В. Н., Осипов Н. А.</i> Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.	119
<i>Альховик Н. К.</i> Особенности национальной политики в отношении этнических меньшинств БССР в 1920–1941 гг.	142
<i>Чернышева Н. В., Ажигулова А. И.</i> Этническое большинство и этнические меньшинства северо-западной части РСФСР: общие тенденции и специфика воспроизводства в 1939–1959 гг.	165

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васильев Д. В.</i> Православная церковь в туркменском оазисе: храм во имя Святителя Алексия Митрополита Московского в Мургабском государственном имении	189
<i>Шершинева Е. А.</i> Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской Империи	210
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.	229

ДЛЯ АВТОРОВ	252
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026, vol. 31, no. 3

Section I. **ARCHEOLOGY AND ETNO-KULTURAL HISTORY**

<i>Shulga P.I.</i> The Female-headdress wig of Pazyryk culture from Chesnokovo-2 (Altai)	7
<i>Shi Handa, Kurbanali Zh.</i> Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery	22
<i>Ilyushin A.M.</i> The medieval armament complex at the Vaganovo-1 burial mound.....	46

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kairiak. A.A.</i> Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region).....	60
<i>Lidzhiyeva I.V.</i> From traditional healers to qualified physicians: medical care in nomadic society in the last third of the 19th — first third of the 20th century.....	76
<i>Kobets O.V.</i> Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s.	91
<i>Kondratyuk G.N.</i> Soviet ethnopolitics towards national minorities in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s.....	108
<i>Shaidurov V.N., Osipov N.A.</i> National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.	119
<i>Alkhovik M.K.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	142
<i>Chernysheva N.V., Azhigulova A.I.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	165

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Vasilyev D.V.</i> An Orthodox Church in a Turkmen Oasis: The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the Murghab Sovereign's Estate.....	189
<i>Shershneva E.A.</i> The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities.....	210
<i>Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.</i> The situation of buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s.....	229

FOR AUTHORS	252
--------------------------	-----

УДК 321.1 (470.23) "1920/1930"

DOI 10.14258/nreur(2026)3–08

*В. Н. Шайдуров, Н. А. Осипов**Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург (Россия)*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920–1930-Е ГГ.

В данной статье анализируется национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. в контексте реализации курса на коренизацию. Были проанализированы ключевые направления этой политики: формирование национальных административно-территориальных единиц, развитие образования и культуры на языках меньшинств, издание периодики, перевод делопроизводства, кооперативное строительство и коллективизация. Исследование было проведено на основе архивных и опубликованных материалов, статистических данных и периодической печати. На основе анализа широкого круга источников, включая данные Всесоюзной переписи 1926 г. и ведомственную статистику, были раскрыты как достижения, так и системные проблемы коренизации: неравномерность её реализации по отношению к разным этносам, кадровый дефицит, отсутствие письменности у ряда народов, разрыв между плановыми показателями и фактическими результатами. Особое внимание в статье уделяется коренизации государственного аппарата, социально-культурной сфере и хозяйственно-кооперативному строительству. Выводы статьи демонстрируют двойственность характера результатов национальной политики в регионе: с одной стороны, она дала импульс социально-культурному развитию ряда национальных общин, с другой — столкнулась с объективными трудностями и в конечном счете была свернута.

Ключевые слова: национальная политика, коренизация, Ленинградская область, этнические меньшинства, малые коренные народы, государственно-партийный аппарат, образование, социально-культурная сфера, периодическая печать, хозяйственно-кооперативное строительство.

Для цитирования:

Шайдуров В. Н., Осипов Н. А. Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 119–141.
[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–08](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–08)

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, заведующий научно-образовательным центром исторических исследований и анализа Государственного автономного образовательного

учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», Санкт-Петербург (Россия).

Адрес для контактов: s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Осипов Никита Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-образовательного центра исторических исследований и анализа Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** osipov090996@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

V.N. Shaidurov, N.A. Osipov

A. S. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg (Russia)

NATIONAL POLITICS IN LENINGRAD REGION IN THE 1920S AND 1930S.

This article analyzes the national policy in the Leningrad region in the 1920s and 1930s in the context of the implementation of the policy of radicalization. The key directions of this policy were analyzed, such as the formation of national administrative-territorial units, the development of education and culture in minority languages, the publication of periodicals, the translation of office work, cooperative construction and collectivization. The study was conducted on the basis of archival and published materials, statistical data and periodicals. Based on the analysis of a wide range of sources, including data from the All-Union census of 1926 and departmental statistics, both the achievements and systemic problems of root-grabbing were revealed: the uneven implementation of it in relation to different ethnic groups, staff shortages, lack of writing among a number of peoples, the gap between planned indicators and actual results. The article pays special attention to the radicalization of the state apparatus, the socio-cultural sphere, and economic cooperative construction. The conclusions of the article demonstrate the ambivalence of the results of the national policy in the region. On the one hand, it gave an impetus to the socio-cultural development of a number of national communities, on the other hand, it faced objective difficulties and was eventually curtailed.

Keywords: national policy, korenization, Leningrad region, ethnic minorities, small indigenous peoples, state and party apparatus, education, socio-cultural sphere, periodicals, economic and cooperative construction.

For citation:

Shaidurov V.N., Osipov N.A. National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.

Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 3, pp. 119–141.

[https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3-08)

Shaidurov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, Head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region “A. S. Pushkin Leningrad State University”, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** s-w-n@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1431-1163>

Osipov Nikita Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region “A. S. Pushkin Leningrad State University”, St. Petersburg (Russia).
Contact address: osipov090996@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

Введение

Современный мир демонстрирует хрупкость межнациональных отношений. Любое нарушение баланса может привести к непредсказуемым последствиям. В этой ситуации необходимо уделять внимание сохранению этнокультурного и языкового многообразия в контексте единства народов Российской Федерации. Поиску решения этой проблемы во многом может способствовать положительный опыт национальной политики СССР и ее реализации на региональном уровне.

Современная историография советской национальной политики 1920–1930-х гг. достаточно обширна. Многочисленные монографии и статьи можно группировать по национальному [Шведова, 2024; Кондратюк, 2025; Каменских, 2025] или региональному [Борисёнок, 2016; Аверьянов, 2021; Яхуталь, 2025; Козин, Кобец, 2025] признакам. Гораздо реже она рассматривается сквозь призму более узких аспектов [Рубаева, 2022; Эльбуздукаева, 2023; Шепталин, 2023; Кобец, 2025]. Немногие авторы обращаются к изучению отдельных направлений советской национальной политики 1920–1930-х гг. [Борисёнок, 2013; Козин, 2024; Акжигитов, 2025; Козин, Кобец 2025]. Однако в этом ряду практически нет работ, в которых анализируются мероприятия, связанные с реализацией национальной политики в форме коренизации в Петроградской губернии — Ленинградской области.

В данной статье рассматриваются основные направления политики коренизации в отношении этнических меньшинств и малых коренных народов на территории Ленинградской области в 1920–1930-е гг. Этническими меньшинствами являются те этнические общности, которые появились в регионе вследствие миграций (финны, немцы, эстонцы, латыши и др.). Малыми коренными народами являются автохтонные общности (вепсы, ижора, лопари, карелы, вошь).

Основой для проведенной исследовательской работы стали немногочисленные опубликованные материалы и архивные документы, значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот. Большую ценность представляют делопроизводственные материалы, которые содержатся в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Ценность документов заключается в том, что в них содержится разноплановая информация, позволяющая рассмотреть различные направ-

ления коренизации в динамике. Представленные в материалах фонда статистические данные позволяют определить количественные показатели проводившихся в регионе мероприятий.

Методологической основой исследования является теория модернизации в ее современной российской трактовке. Модернизационные процессы, имевшие место в СССР в 1920–1930-е гг., были направлены на преобразование общественно-политической, экономической и социокультурной жизни государства и проживавшего в нем общества. Методический инструментарий представлен общенаучными (анализ, синтез и др.) и специальными (историко-описательный, историко-сравнительный и другие) методами, использование которых позволило достичь поставленную цель.

Коренизация и ее реализация в Петроградской губернии — Ленинградской области

В течение столетий Россия формировалась как многонациональная и поликонфессиональная держава. Отношение власти и общества к некоторым этническим меньшинствам породили присутствовавшие на протяжении XIX — начала XX в. во внутренней политике и общественном сознании «немецкий», «еврейский», «польский», «финский», «армянский» вопросы. Предпринятые властями полумеры (указ об укреплении начал веротерпимости от 17 (30 апреля) 1905 г. и др.) не сняли их остроты. А потому национальный вопрос стал одним из факторов, спровоцировавших общественно-политические потрясения в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Пришедшие к власти большевики заявили о своем намерении решить национальный вопрос, а потому уже в первые годы Советской власти национальной политике уделялось большое внимание.

На основе решений XII съезда РКП(б) в 1923 г. была официально утверждена новая национальная политика, получившая название «коренизация». Ее основной целью стало привлечение представителей коренных народов к государственному управлению в национальных территориальных образованиях. Эта политика выражалась в формировании национальных кадров, создании административного аппарата, открытии образовательных и культурных учреждений, организации судов и ведении делопроизводства на родных языках народов СССР.

Многонациональный состав населения изучаемого региона был очевиден с XVIII в. На это еще в середине XIX в. указывал в своих работах академик П. И. Кёппен [Кёппен, 1850]. Аналогичная ситуация сохранялась и во второй четверти XX в. Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., этнические меньшинства в Ленинградской области составили ок. 10% населения или 610 тыс. чел. Среди наиболее многочисленных меньшинств были финны (ок. 133 тыс. чел.), евреи (ок. 115 тыс. чел.), эстонцы (ок. 87 тыс. чел.), поляки (ок. 60 тыс. чел.), белорусы (ок. 52 тыс. чел.), латыши (ок. 39 тыс. чел.), немцы (ок. 30 тыс. чел.). Среди них были и представители малых коренных народов: вепсы (ок. 24 тыс. чел.), ижоры (ок. 16 тыс. чел.), карелы (ок. 5 тыс. чел.), зыряне (ок. 2 тыс. чел.) и лопари (ок. 1,7 тыс. чел.) [Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств..., 1928]. При такой пестрой полиэтнической картине политика коренизации приобретала особое значение для местного населения.

Однако стоит отметить, что среди 34 этнических меньшинств коренизация проводилась в отношении только 14 национальных языков. Помимо этого, к категории «культурно отсталых народностей» были отнесены ижора, вепсы, лопари, зыряне и др., которые составляли около 40 тыс. чел., или 6,5% от всего населения Ленобласти [Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств..., 1928].

Этнические сообщества Ленинградской области населяли различные её районы и имели неравномерный характер распределения. Грамотность среди различных этнических меньшинств региона была неоднородной. Например, среди финнов на родном языке она составляла 72,1%, ижоры — 60%, карелы — 60%, вепсы — 33,5%, лопари — 12,4%, латыши — 75,2%, эстонцы — 79,5% [Янсон, 1929: 10–15]. При этом уровень грамотности на русском языке среди подавляющего большинства этнических меньшинств был крайне невысок.

Несмотря на принятые решения, воплощение в жизнь основных мероприятий политики коренизации в период 1923–1926 гг. осуществлялось крайне слабо. Неудовлетворительные темпы и результаты коренизации заставили власть скорректировать ее основные принципы. Так, уже 14 марта 1927 г. Президиум ВЦИК своим специальным постановлением поставил перед центральными и местными органами власти задачу «учитывать и отражать интересы национальных меньшинств» при реализации мероприятий по культурному строительству. Следовало форсировать выделение национальных административно-территориальных единиц, коренизацию местного советского и партийного аппарата, расширить сеть школ с преподаванием на национальных языках, реализовать мероприятия по землеустройству, укрепить сеть кооперативных организаций. Партийные и советские органы власти в Ленинградской области, как и других регионов, должны были включиться в процесс выработки планов по коренизации и их реализации на местах.

Образование национально-территориальных единиц в Ленинградской области в 1920-е гг.

При образовании национальных сельских советов власти Ленинградской области столкнулись с рядом проблем. Одна из них — дисперсное расселение некоторых этнических меньшинств, возникших в результате миграций (латыши, эстонцы, немцы, евреи). Например, из 39 тыс. латышей 70% проживали в 120 населенных пунктах, где они насчитывали от 5 до 15 хозяйств. В аналогичном положении находились эстонцы, карелы, немцы и др. [Янсон, 1929: 27].

Стремясь воплотить полученные из Москвы указания, региональные власти образовывали национальные сельсоветы, отличавшиеся порой большим разбросом численности (от 150 до 6 тыс. чел.). Нередко они вынуждены были сознательно нарушать один из основных принципов их организации — удельный вес основного населения по национальному признаку (не менее 66%). Некоторые результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Число национальных сельсоветов Ленинградской области в 1927 г.
[Янсон, 1929: 27]**

Table 1

Number of National Village Soviets in Leningrad Oblast in 1927 [Janson, 1929: 27]

Национальность	Число сельсоветов	Численность населения	Включено в сельсоветы населения, %
Финны	67	76220	65,5
Эстонцы	8	5655	8,9
Латыши	5	3779	19,7
Немцы	2	2382	27,5
Норвежцы	1	120	100
Карелы	2	1659	34,1
Ижоры	1	2561	16,1
Вепсы	24	8062	33,5
Коми-зыряне	2	581	64,7
Лопари	6	878	51,6

Из данной таблицы следует, что, с одной стороны, в области шел активный процесс нациестроительства на низовом уровне и было образовано 118 национальных сельсоветов. С учетом того, что финны были одним из самых многочисленных этнических меньшинств, вполне обосновано и создание для них более 56% сельсоветов, которые в общей сложности охватили 65,5% населения. Среднестатистическая численность населения финского сельсовета составила немногим более 1130 чел. Отсюда можно сделать вывод, что вышеуказанный принцип о 66% формирования сельсовета практически соблюдался. Похожий процент охвата имели сельсоветы коми-зырян, которые составляли 64,7% населения сельсовета. Большой показатель имели только норвежцы, объединенные одним сельсоветом, в котором их численность достигала 100%, что объясняется компактностью расселения.

Отчасти имевшее место локальное расселение немцев, карелов и вепсов дало возможность образовать для них свои сельсоветы. При этом их наибольшее количество было образовано для вепсов (24). Средняя численность населения составила ок. 336 чел. на один сельсовет. Следует обратить внимание и на многолюдность двух немецких сельсоветов (1191 чел.).

Чрезмерная дисперсность, характерная в большей степени для эстонцев, латышей и ижоры, не позволила охватить их в значительной мере сетью национальных сельсоветов. Наименьший охват, как видно из таблицы 1, отмечался у эстонцев региона, при том, что образованные для них сельсоветы объединяли значительное количество хозяйств (в среднем ок. 700).

Коренизация государственно-партийного аппарата в Ленинградской области в 1930-е гг.

Успешная реализация политики коренизации была невозможна без привлечения национальных кадров. Именно они должны были выступить в качестве проводника фор-

мировавшейся государственной идеологии в массы. В то же время коренизация государственно-партийного аппарата повсеместно, в том числе и в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. оказалась неравномерной. Одним из факторов, способствовавших успешности реализации этого направления, несомненно, являлся уровень грамотности населения. Вполне наглядно это можно продемонстрировать на примере Куйвозовского и Полярного финских районов, в которых все национальные сельсоветы вели делопроизводство на родном языке.

Одним из наглядных маркеров политики коренизации среди финского населения может быть национальный состав Куйвозовского райисполкома. Так, на 1 января 1931 г. 2/3 его состава составляли финны (31 чел.), оставшуюся треть составили русские (15 чел.) и украинец (1 чел.). Преобладали финны и в президиуме РИК (финнов — 5 чел., русских — 3 чел., украинцев — 1 чел.). Правда, среди служащих РИК основную массу составили русские (53%), тогда как на долю финнов приходилось 41%. При этом почти вся текущая работа в аппарате велась на финском языке, однако переписка с вышестоящими организациями осуществлялась только на русском, в связи с этим на местах часто работали переводчики [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 24].

Однако далеко не везде можно было наблюдать подобную картину. Всего в Ленинградской области на национальный язык делопроизводство было переведено лишь в 30 сельсоветах из 128. При этом необходимо отметить, что широкое распространение получил и билингвизм, когда сельсоветы вели делопроизводство как на русском, так и на национальном языках [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 24].

Что касается других национальностей, то результаты были намного скромнее. Одним из примеров может быть Винницкий вепсский райисполком, аппарат которого насчитывал 35 сотрудников, из которых вепсов было всего 8 чел., или 23%. Из-за отсутствия письменности на родном языке у вепсов переписка с РИКом велась на русском языке, как и работа аппарата. Массовая работа сельсоветов нацменьшинств в основном проходила на русском языке [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 25].

Одним из залогов успешной кадровой политики является наличие квалифицированных специалистов. В данном случае необходимы были образованные национальные кадры. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют говорить о том, что наибольший процент работников с высшей квалификацией в 1931–1932 гг. отмечался среди финнов (40,8%), тогда как среди прочих национальных кадров он был гораздо ниже. Так, среди эстонцев этот показатель был 21,48%, среди вепсов — 11,11%, ижоры — 8,14%, латышей — 6,67%, а немцев — 3,70%. Аналогичная тенденция прослеживается и в отношении кадров средней и низшей квалификации [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15. Л. 38].

Более подробно сложившуюся ситуацию можно рассмотреть на примере кадрового состава районных и сельских советов Мурманского округа, входившего в состав Ленинградской области до 1938 г. (см. табл. 2). Эта административно-территориальная единица имела свою специфику в сравнении с другими округами. Часть населения округа составляли полукочевые северные народы, в отношении которых реализация политики коренизации приобретала определенные трудности.

Таблица 2

Районные и сельские органы власти в Мурманском округе Ленинградской области на 1 января 1931 г. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15. Л. 32]

Table 2

District and Rural Administrative Bodies in Murmansk Okrug, Leningrad Oblast (January 1, 1931) [TsGA SPb. F. 7179. Inv. 23. File 15. List 32]

Районные и сельские органы власти	Наемные служащие в РИКах	Выборные работники РИКов	Выборные работники с/советов	Всего	финны	Карелы	Лопари	Ижемцы	Норвежцы
Члены Окрика		0	0	0	0	0	1	0	0
Члены Президиума РИКов	2	3	0	5	4	0	0	1	0
Председатели РИКов	0	1	0	1	1	0	0	0	0
Секретари РИКов	0	2	0	2	1	0	0	1	0
Председатели сельских советов	0	0	13	13	5	3	3	1	1
Члены Президиума сельских советов	0	0	34	34	19	5	4	3	2
Секретари сельских советов	0	0	10	10	7	0	2	1	0
Итого	2	6	57	65	37	8	10	7	3

Анализ данных, приведенных в таблице, позволяет говорить о том, что в окружных органах власти представители коренных народов практически не были представлены. Присутствие среди членов окружного исполкома одного лопаря является скорее исключением, чем общим правилом.

В большей степени они оказываются вовлеченными в управление на районном уровне. Так, финны входят в состав президиумов, а иногда их выбирают председателями и секретарями райисполкомов. То же можно сказать и о ижемцах. Подобная практика была обусловлена образованием в январе 1931 г. финского Александровского и лопарского Ловозерского национальных районов.

На низовом сельском уровне представителей коренных народов гораздо чаще привлекали к выполнению аппаратной работы. Это было связано с образованием национальных сельсоветов в феврале 1931 г. Так, в местах компактного проживания для лопарей был образован Мотовский, для финнов — Белокаменный, Грязногубский, Западно-Зицкий, Озерковский, Тюва-Губский и Ура-Губский, норвежцев — Цып-Новолокский сельсоветы.

Управленческий аппарат отчасти был сформирован из числа представителей коренных народов. Подготовкой национальных кадров для коренных народов Севера занималось советско-партийное отделение Института народов Севера. Так, среди его студентов были лопари А. Герасимов [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 8. Л. 4], А. Дмитриев

[ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 3], С. Титов [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 13].

Кадровая политика в рамках коренизации предполагала увеличение представителей нацменьшинств при одновременном уменьшении русских. На практике зачастую происходила обратная ситуация (см. табл. 3).

Таблица 3

Сведения о национальном составе служащих и выборного состава Ленинградско-Пригородного райисполкома [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15. Л. 24]

Table 3

National Composition of Staff and Elected Officials of the Leningrad-Prigorodny District Executive Committee [TsGA SPb. F. 7179. Inv. 23. File 15. List 24]

Перечень должностей	Национальность					
	Финны		Русские		Прочие	
	01.01.1931 г.	01.07.1931 г.	01.01.1931 г.	01.07.1931 г.	01.01.1931 г.	01.07.1931 г.
Выборный состав: Пленум	7	6	27	32	11	10
Президиум	1	1	1	10	2	2
Заведующие отделами и их заместители	1	1	0	11	0	7
Инструкторы и инспекторы	3	3	0	26	0	2
Технический аппарат и спецсостав, кроме инспектуры	4	6	0	87	0	10

Как мы видим, в Ленинградско-Пригородном райисполкоме среди национальных меньшинств самыми многочисленными были финны. За первую половину 1931 г. их число на разных должностях существенно не изменилось. Исключение составил лишь технический аппарат, в котором появились 2 новых финских сотрудника. На этом фоне можно видеть стремительный рост числа русских. С одной стороны, это противоречило принципам политики коренизации, с другой — сказывалась нехватка кадрового потенциала среди нацменьшинств и недостаток квалификации. Такая ситуация создавала трудности при дальнейшем переводе делопроизводства на национальные языки [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15. Л. 24].

Коренизация образования в Петроградской губернии — Ленинградской области в 1920–1930-е гг.

Полноценная коренизация была невозможна без преобразований в социально-культурной сфере региона. О происходивших трансформациях можно судить по ситуации в образовательном пространстве.

Как уже отмечалось выше, финны были одной из самых многочисленных этнических общин. Уже в досоветское время уровень грамотности среди них был достаточ-

но высок благодаря многочисленным начальным школам. И их количество постепенно увеличивалось (см. рис. 1).

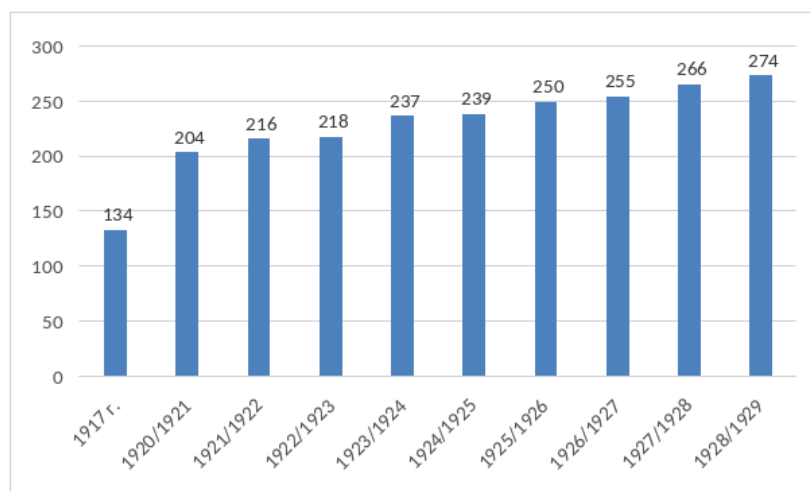

Рис. 1. Количество финских школ в Петроградской губернии — Ленинградской области [Янсон, 1929: 40]

Figure 1. Finnish Schools in Petrograd Governorate — Leningrad Oblast: Quantitative Dynamics [Janson, 1929: 40]

Приведенные данные свидетельствуют о резком росте числа школ между 1917 и 1920 гг. (+52,2%). В 1920–1922 гг. прирост составил 6%. Подобная ситуация может быть объяснена ростом религиозного самосознания и открытия школ при финских лютеранских церквях. Однако в дальнейшем государство в лице Наркомпроса РСФСР последовательно проводило политику по построению системы светского школьного образования. В Петроградской губернии активизация в этом направлении была связана с циркулярными письмами из Москвы от 1 марта и 16 мая 1923 г. [ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1150. Л. 12]. На этом фоне темпы открытия новых финских школ резко упали и в течение 1922–1924 учебных годов не превышали 1%. В дальнейшем была отлажена процедура открытия новых школ. Ежегодно их количество возрастало в сравнении с предыдущим учебным годом на 2–4,6%.

Некоторые результаты коренизации в сфере образования можно видеть в отчетных документах начала 1930-х гг. (см. табл. 4). Согласно приведенным в них данным, к 1932 г. финские школы лидировали с большим отрывом как в городе, так и области. Эта тенденция прослеживается как в общем, так и по разным типам школ. Схожая ситуация наблюдается и по количеству учащихся в школах национальных меньшинств.

Стоит отметить, что городская и пригородная образовательная инфраструктура имели свои особенности. Так, в городе и области функционировало много финских школ, что было сопряжено с многочисленностью общины. Для других малых народов школы находились преимущественно в области, что было связано с местами их традиционного проживания.

Таблица 4

Охват детей национальными школами в 1932 г. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 12]

Table 4

**Coverage of Children by National Schools in 1932 [Central State Archive
of St. Petersburg, Fond 7179, Inventory 23, File 56, Sheet 12]**

Тип школ	Количество школ					Количество учеников				
	Финны	Эстон- цы	Вепсы	Латы- ши	Ижоры	Финны	Эстон- цы	Вепсы	Латы- ши	Ижоры
Начальных школ по области	209	32	54	18	22	9581	2274	3029	804	1390
По пригороду и городу	80	8	0	0	0	4218	0	0	0	0
Повышенных школ по области	17	11	6	3	4	1505	402	392	151	251
По пригороду и городу	11	1	0	1	0	537	0	0	0	0
Всего	317	102	60	22	26	15842	0	3421	0	1641

Особняком в этом ряду стоят ленинградские немцы. С 1820-х гг. в немецких колониях открывались свои школы. С приходом Советской власти и изменением отношений между церковью и школой в колониях стали открываться преимущественно начальные школы первой ступени. В 1923 г. они функционировали в 12 из 27 немецких поселений Петроградской губернии. Общий штат насчитывал 29 учителей, обучавших ок. 1 тыс. детей (ок. 12% всех колонистов) [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 26].

Создание новой национальной школы было невозможно без подготовки педагогических кадров. Подготовка кадров советских работников из числа этнических меньшинств осуществлялась путём организации краткосрочных курсов. Педагогические кадры нацменьшинств готовили финский, эстонский, латышский, немецкий и польский педтехникумы. В 1929/1930 учебном году в педтехникумах обучалось 616 студентов из числа нацменьшинств, а в 1930/1931 учебном году — 1081 [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 26].

В 1922 г. в Москве на базе Немецкого педагогического института был открыт Центральный немецкий педагогический техникум, целью которого являлась подготовка учителей для немецких сельских школ. В 1925 г. техникум был переведён в Ленинград под названием Немецкого педагогического техникума. В 1925 г. в техникуме обучались 150 студентов, которые имели разное происхождение: 11 рабочих, 104 крестьянина, 23 служащих, 6 учителей и 6 представителей прочих социальных групп [Шрадер, 1998: 367]. Именно студенты техникума стали основой национальной школы в местах компактного проживания немцев на территории РСФСР.

Одним из зримых наследий Гражданской войны и хозяйственной разрухи начала 1920-х гг. стал рост детей, оставшихся без попечения родных. Это подтолкнуло власти расширить сеть детских домов. В 1926/1927 учебном году в Ленинградской области уже действовал 51 детский дом, из которых семь были образованы по национальному принципу. Через год (1928/1929 учебный год) их было уже 91 и 19 соответственно.

Работу дошкольных учреждений, которые открывались в регионе, следовало обеспечить кадрами. Только в 1925/1926 учебном году на дошкольную работу было на-

правлено 112 специалистов, в 1926/1927–174, в 1927/1928–160. Однако подготовка дошкольных работников проходила слабо, о чем свидетельствуют статистические данные. Так, в 1925/1926 учебном году на специальных курсах обучалось 75 слушателей, из которых 25 были из числа нацменьшинств. В 1926/1927 учебном году это соотношение составило 91 и 19; в 1927/1928–35 и 16; в 1928/1929–58 и 19. Одновременно с этим в 1931 г. была развёрнута работа по изданию брошюр, посвященных дошкольному воспитанию, общий объем которых составил 100 п. л. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 15].

В условиях, когда общество находилось в состоянии перехода от одной общественно-политической модели к другой, власти уделяли большое внимание вопросу формирования нового идейно-классового сознания. Большое значение в этом процессе отводилось созданию и развитию сети политико-просветительских учреждений. Их общее количество в регионе постоянно возрастало. Так, изб-читален в 1925–1926 гг. было 1329, в 1926–1927 гг. — 1575; в 1925–1926 гг. было 450 библиотек, в 1926–1927 гг. — 452, клубов в 1925–1926 гг. — 100, в 1926–1927 гг. — 101, красных уголков в 1925–1926 гг. — 290, в 1926–1927 гг. — 980, пунктов ликбеза в 1925–1926 гг. — 2405, в 1926–1927 гг. — 2911. Самыми массовыми типами учреждений были, как мы видим, библиотеки, пункты ликбеза и красные уголки, которые функционировали на базе существовавших иных учреждений [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 15].

В контексте реализации политики коренизации и борьбы за массы власти уделяли большое внимание открытию политпросветучреждений для этнических меньшинств и малых коренных народов. Так, в 1928–1929 гг. в Ленинградской области действовали 29 финских изб-читален, 115 красных уголков, 2 клуба, 1 дом просвещения, 10 школ малограмотности, 1 крестьянский курс и 1 районная библиотека [Янсон, 1929: 40]. В это же время для немцев было открыто 14 клубов. Однако литературой и пособиями на родных языках эти учреждения были снабжены крайне скудно [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 15].

Особое внимание было уделено подготовке кадров культурных работников культурно отсталых народов вепской и ижорской национальностей. Например, было открыто отделение в Лодейнопольском педтехникуме для вепсов, а также отделение при Областной совпартшколе — для вепсов и ижоры [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 27]. Различные центральные (Институт народов Севера) и региональные учебные заведения были мобилизованы на форсированную подготовку политпросветработников для нацменьшинств. В сопроводительных документах многих слушателей советско-партийных отделений указывалось, что они могут быть использованы в качестве политпросветработников [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 9]. Только в региональных заведениях в 1929/1930 учебном году насчитывалось 204 учащихся. В 1930/1931 учебном году их число выросло вдвое (401). Там же были открыты годовичные курсы для подготовки колхозных работников для вепсов, ижоры, финнов, немцев, эстонцев, латышей и других национальностей [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 9].

Стоит отметить, что в сельскохозяйственных вузах на 1930 г. училось незначительное количество финнов и эстонцев, а вепсы и ижора отсутствовали в принципе. В связи с этим с 1931 г. были разработаны конкретные цифры по подготовке сельскохозяй-

ственных кадров нацменьшинств на ближайшие два года и даны соответствующие указания вузам и техникумам [ЦГА СПб. Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 9].

Различные образовательные учреждения, например школы, отправляли заявки в педтехникумы для получения будущих кадров из числа студентов, заканчивающих соответствующие педтехникумы. Многие из них оставались невыполненными или удовлетворялись частично. Это было связано в первую очередь с тем, что сами педтехникумы не располагали таким числом студентов — из-за нехватки обучающихся по различным нацменьшинствам. В большей степени ситуация была лучше с финнами и эстонцами, поскольку их число преобладало среди таких студентов, но даже в их случае заявки не удовлетворялись полностью. Ижора и лопари отсутствовали среди выпускников в принципе, поскольку обучение на языках этих народов не велось из-за отсутствия письменности у данных народов (см. табл. 5).

Таблица 5

Потребность в учителях из числа оканчивающих педтехникумы студентов в 1931/1932 учебном году [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 11]

Table 5

Teacher Demand among Graduating Students of Pedagogical Technical Schools, 1931/1932 Academic Year [TsGA SPb. F. 7179. Inv. 23. File 56. List 11]

	Финны	Эстонцы	Латыши	Немцы	Вепсы
Потребность	100	60	10	15	60
Удовлетворено	21	10	6	6	0

Детальное рассмотрение вопроса кадрового обеспечения школ разных ступеней позволяет выявить всю остроту проблемы. В целом имевшиеся кадры, как мы видим, по отдельным национальностям далеко не удовлетворяли стремительно возраставшие требования школ. Но обеспеченность кадрами школ разных ступеней была разительна. Данные таблицы свидетельствуют о том, что ситуация с кадрами для повышенной школы (школы для взрослых, получающих неполное среднее образование [Гордина, 2014: 58]) была крайне неблагоприятной, в том числе в финских и латышских школах (см. табл. 6). Удельный вес педагогов с высшим образованием был ничтожно мал.

Таблица 6

Педагогические кадры национальной школы Ленинградской области, 1932 г. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 12]

Table 6

Teaching staff of the national (ethnic) schools of the Leningrad Oblast, 1932 [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 56, List 12]

Националь-ности	По начальной школе		По повышенной школе	
	Всего	На них ускоренными курсами	Всего	Из них с высшим образованием
Финская	141	144	135	4
Эстонская	165	65	36	6
Латышская	22	0	26	4

Подготовка кадров для народного образования была сопряжена с многими проблемами, среди которых не последнюю роль играл бюрократизм. Так, Наркомпрос РСФСР, имея в своём ведении нацменовский рабфак при ЛГУ, отказал пединституту им. Герцена в ходатайстве о передаче части оканчивающих обучение в нацмен-отделениях педвуза. Нередкими были факты индифферентного отношения со стороны райисполкомов к направлению представителей этнических меньшинств и малых коренных народов на обучение. Это приводило к систематическому невыполнению плана приёма в учебные заведения для нацменьшинств. Пренебрежительное отношение к подготовке кадров встречалось и в самих учебных заведениях. Следствием этого был, с одной стороны, систематический недобор слушателей (см. табл. 7), а с другой — массовый отсев и незначительные по численности выпуски.

Таблица 7

Контингент техникумов нацменьшинств в 1931/1932 учебном году
[ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56. Л. 14]

Table 7

Enrollment in technical colleges for national minorities in the 1931–1932 academic year [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 56, Sheet 14]

Наименование техникума	Плановый контингент, студентов	Фактический контингент, студентов	Недобор, %
Финский	374	259	–31
Латышский	207	162	–22
Польский	266	197	–26
Эстонский	295	217	–26
Немецкий	316	284	–10

Как можно видеть, плановые и фактические показатели контингента по среднеспециальным учебным заведениям, ориентированным на национальные меньшинства, существенно разнятся. Относительно незначительный недобор в Немецком техникуме объясняется, в первую очередь, его ориентацией не только на подготовку кадров для Ленинградской области, но и для других регионов РСФСР, где были места компактного проживания немцев (АССР Немцев Поволжья и др.).

Особенно активно вопрос представленности различных национальностей в образовательных учреждениях Ленинграда был поднят в 1934/1935 учебном году. Были выделены квоты на места для нацменьшинств. В таблице представлена только десятая часть полученных данных и только в отношении некоторых национальностей (См. табл. 8).

Исходя из данных таблицы, наблюдается доминирование еврейской общины в приёме. Так, евреи представлены во всех 10 учреждениях, причём с существенно более высокими показателями, чем другие национальности. Особенно выделяется приём на рабфак при ЛГУ (88 чел.) и в Ленинградский автодорожный институт (44 чел.). Это может свидетельствовать о высокой образовательной активности. Эстонцы демонстрируют умеренную представленность при приёме: они присутствуют в 9 из 10 учреждений; латыши — в 8. Их показатели заметно ниже еврейских, но стабильны: они распределены по разным профилям образования (от технических до фармацевтического).

Таблица 8

Численность представителей нацменьшинств в образовательных учреждениях Ленинграда в 1934/1935 учебном году [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 145. Л. 42–88]

Table 8

Number of representatives of national minorities in educational institutions of Leningrad in the 1934/1935 academic year [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 145, Lists 42–88]

№	Образовательное учреждение	Фин-ны	Эстон-цы	Ла-ты-ши	Нем-цы	По-ля-ки	Армя-не	Ев-реи
1	Ленинградский механический техникум	0	2	1	0	2	1	11
2	Ленинградский автодорожный институт	2	2	1	0	3	10	44
3	Лен. гос. механико-конструкторский техникум им. М. И. Калинина	1	0	3	0	2	0	15
4	ленинградский фармацевтический техникум	1	2	0	1	3	0	21
5	Ленинградский гидротехникум	1	1	0	1	1	0	15
6	Ленинградский строительный техникум	2	1	1	0	1	0	20
7	Ленинградский техникум железнодорожного транспорта им. т. Дзержинского	0	5	0	0	2	0	27
8	Рабфак Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена	7	5	7	0	0	0	14
9	Рабфак ЛХТИ и слившийся с ним 3-й рабфак Ленинградского машиностроительного института	0	4	2	1	2	0	33
10	Рабфак при ЛГУ	1	2	3	1	4	0	88

Ограниченное присутствие финнов подтверждается тем, что они представлены в 7 учреждениях, но с небольшими цифрами (максимум — 7 чел. на рабфаке педагогического института). В ряде ключевых заведений их нет вовсе. Немцы представлены лишь в четырёх учреждениях с минимальными показателями (по 1 чел.); армяне — в трёх (с максимумом в 10 чел. в автодорожном институте). Поляки занимают промежуточное положение: они были в 8 учреждениях с небольшими, но устойчивыми цифрами (от 1 до 4 чел.). Стоит отметить, что рабфаки выступали ключевым каналом доступа к высшему образованию для нацменьшинств. На них приходилась значительная часть приёма.

Коренизация периодической печати в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.

Большевики прекрасно понимали силу печатного слова, а потому в рамках реализации социально-культурного направления политики коренизации были предприняты различные шаги по организации издательского дела. Ленинградская область также приняла участие в 1920–1930-е гг. в производстве печатной продукции на местных национальных языках.

Особенно преуспели в издании газет, журналов, книг и иной продукции финское издательство «Кюльвяя» и эстонское издательство «Кирия». Их успех во многом был связан с многочисленной читательской аудиторией в регионе, чей спрос необходимо было удовлетворить.

Таблица 9

Газетная печать в 1929–1931 гг. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 24]

Table 9

Newspaper press in 1929–1931 [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 9, List 24]

Название	Количество номеров в год			Средний тираж			Всего экземпляров в год, тыс.		
	1929	1930	1931	1929	1930	1931	1929	1930	1931
Эстонское издательство «Кюльвая»	74	144	180	5500	7250	10000	407	1049	1800
Финское издательство «Кирия»	189	250	252	4049	6527	10664	805,8	1631,7	2687,4

Приведенные в таблице 9 данные демонстрируют высокую интенсивность финского издательства в сравнении с эстонским. Однако газетная полиграфия имела выраженную тенденцию к росту. В 1929 г. «Кирия» выпустило заметно больше номеров, хотя средний тираж у эстонского издательства был выше. Все же общий годовой выпуск финской периодики оказался существенно больше. В 1930 г. наблюдался резкий рост по всем показателям у обоих издательств. Количество номеров у «Кюльвая» почти удвоилось. В 1931 г. тенденция роста сохранилась. Бурное развитие финской и эстонской газетной периодики можно объяснить не только массовой аудиторией внутри страны и ориентированностью на трудящихся соседних Эстонии и Финляндии [Смирнова, 2019: 341.]. Важным условием стало присутствие в Ленинграде высококвалифицированных кадров (журналистов, редакторов, полиграфистов), способных поддерживать регулярный выпуск газет.

На рубеже 1920–1930-х гг. фиксировался существенный рост издания журналов на эстонском и финском языках (см. таб. 10).

Таблица 10

Журнальная периодика на эстонском и финском языках в 1929–1931 гг.

[ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 24]

Table 10

Periodicals (magazines/journals) in the Estonian and Finnish languages in 1929–1931 [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 9, Sheet 24]

Издательство	Количество названий			Тираж, тыс.		
	1929	1930	1931	1929	1930	1931
Эстонское издательство «Кюльвая»	25	63	160	53,7	92,5	39,4
Финское издательство «Кирия»	75	143	300	200	637	1344

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что развитие национальной журнальной периодики в Ленинградской области шло неравномерно. Финская издательская линия («Кирия») отличалась стабильным ростом и большими объемами, тогда как эстонская («Кюльвая») делала ставку на расширение ассортимента изданий при снижении совокупного тиража.

Следующая таблица демонстрирует, что количество названий по сравнению с 1929 г. в 1931 г. возросло более чем в 4 раза, количество печатных листов — почти в 5 раз, а количество оттисков — почти в 7 раз (см. таб. 11).

Таблица 11

Издательство финской и эстонской периодики по количеству печатных листов и названий в 1929–1931 гг. [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 24]

Table 11

Publication of Finnish and Estonian periodicals by number of printed sheets and titles in 1929–1931 [TsGA SPb, Fond 7179, Inventory 23, File 9, List 24]

Издательство	Количество печатных листов			Печатных листов во всем тираже, тыс.		
	1929	1930	1931	1929	1930	1931
Эстонское издательство «Кюльвяя»	173	241,4	860	303	573,8	2500
Финское издательство «Кирья»	0	555,5	1996,0	1393	2730,7	8884,5

Издательская деятельность на финском языке в Ленинградской области в 1929–1931 гг. по объёму и масштабу распространения существенно превосходила эстонскую, хотя и та демонстрировала заметный рост. При этом к 1931 г. обозначился резкий рост издательской активности у обоих издательств, что может свидетельствовать о пике реализации отдельных направлений политики коренизации в регионе.

Хозяйственно-кооперативное строительство Ленинградской области в 1920–1930-е гг.

Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. также затрагивала хозяйственно-кооперативное строительство. По данным областного колхозного союза, 1 декабря 1928 г. было коллективизировано крестьян нацменьшинств — 10,3%. 1 января 1929 г. национальных колхозов было 34, на 1 октября 1929 г. — 75, на 1 января 1930 г. — 152, на 1 января 1931 г. — 209. Кроме указанных 209 национальных колхозов, также в области были 150 национальных смешанных колхозов. По национальностям картина была следующей: из 25 600 финских хозяйств коллективных было 2 805, колхозов — 110, которые включали 11% населения; из 8 тыс. эстонских хозяйств коллективных было 760, колхозов — 48, которые включали 9,5% населения; из 5 тыс. вепсских и чудских хозяйств коллективных было 270, колхозов — 12, которые включали 3% населения; из 1 100 карельских хозяйств коллективных было 109, колхозов — 5, которые включали 4% населения; из 3 450 ижорских хозяйств коллективных было 284, колхозов — 10, которые включали 8,2% населения; из 310 латышских хозяйств коллективных было 196, колхозов — 8, которые включали 6,3% населения; из 1 100 немецких хозяйств коллективных было 428, которые включали 9% населения. Всего в области было 48 250 хозяйств, из них коллективных — 4 944, колхозов — 209, что составляло 10,03% населения [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9. Л. 2].

Заключение

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о сложном и противоречивом характере национальной политики в Ленинградской области в 1920–1930-е гг. Политика коренизации, с одной стороны, стала значимым импульсом для социально-культурного развития национальных меньшинств региона, с другой — ее реализация сопровождалась системными трудностями, а в конце периода сменилась сворачиванием инициатив и интеграцией меньшинств в общесоюзное пространство.

Анализ статистических данных и архивных материалов показывает, что политика коренизации охватывала несколько ключевых направлений. В административно-политической сфере шло формирование национальных сельсоветов и районов, предпринимались попытки перевода делопроизводства на национальные языки. Однако на практике этот процесс сталкивался с объективными трудностями, например, неравномерностью расселения народов, нехваткой квалифицированных кадров из числа нацменьшинств, отсутствием письменности у ряда этносов, представительство нацменьшинств в органах власти зачастую оставалось формальным, а коммуникация с вышестоящими инстанциями велась преимущественно на русском языке.

В образовательной сфере были достигнуты заметные успехи. Была расширена сеть национальных школ, создавались педтехникумы для подготовки учителей, росли показатели охвата детей обучением. Вместе с тем сохранялся острый кризис в подготовке будущих кадров: плановые показатели по набору студентов в национальные учебные заведения систематически не выполнялись, а доля специалистов с высшим образованием оставалась крайне низкой.

Развитие национальной периодики как инструмента культурной консолидации и политической агитации играло существенную роль в рамках политики коренизации региона, однако оно было неравномерным среди различных национальностей. Наиболее весомые показатели демонстрировали финское и эстонское издательства. Статистика их издательской деятельности фиксирует устойчивый рост выпуска газет и журналов на финском и эстонском языках в 1929–1931 гг. При этом финская издательская линия существенно опережала эстонскую по совокупным объёмам печати, хотя эстонское издательство демонстрировало высокие темпы расширения номенклатуры изданий.

В хозяйственно-экономической сфере политика коренизации реализовывалась через кооперативное строительство и коллективизацию. К началу 1931 г. в Ленинградской области насчитывалось 209 национальных колхозов и 150 смешанных, при этом наиболее активно процесс шёл среди финских и эстонских хозяйств. Тем не менее общий уровень коллективизации оставался умеренным (около 10% крестьянских хозяйств нацменьшинств).

Важной особенностью региональной политики коренизации стала её дифференцированность по отношению к разным народам. Финская и эстонская общины, обладавшие более высокой грамотностью, компактностью расселения и развитой инфраструктурой, получили наибольшие возможности для культурного развития. В то же время «культурно отсталые» народы (вепсы, ижора, лопари) сталкивались с дополнительными барьерами — от отсутствия письменности до кадрового дефицита, что ограничивало эффективность мер по их вовлечению в советскую систему.

К концу 1930-х гг. политика коренизации в Ленинградской области была фактически свёрнута, уступив место курсу на унификацию и интеграцию национальных меньшинств в советское общество. Этот поворот был обусловлен как внутренними факторами (недостатком ресурсов, кадровыми проблемами), так и общесоюзными тенденциями к централизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аверьянов А. В. Особенности политики коренизации на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2021. № 9–1. С. 189–198.

Акжигитов Р. Р. Свет и тени украинофильства: государственная политика украинизации и коренизации в СССР в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1 (73). С. 110–123.

Борисёнок Е. Ю. Методы решения проблемы национальных меньшинств в Украинской ССР (1920–1930-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 5 (49). С. 4.

Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2013. 256 с.

Гордина О. В. Советский период в истории российских школ для взрослых (1917–1991 годы) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 10. С. 55–64.

Каменских М. С. Белорусы и украинцы в национальной политике Урала 1920–1930-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2025. Т. 12. № 4 (48). С. 104–111.

Кёппен П. И. Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. II. С. 181–209.

Кобец О. В. Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 3. С. 103–120.

Кодин Е. В. Белорусский фронт 1920-х годов: состоялась ли белорусизация в российско-белорусском приграничье? // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9. № 3 (35). С. 175–199.

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация в российско-белорусском приграничье в виденье Москвы и регионов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. № 3. С. 751–765.

Кодин Е. В., Кобец О. В. Политика коренизации в Брянской губернии: двойной белорусско-украинский фронт 1920-х годов // Журнал фронтирных исследований. 2025. Т. 10. № 3 (39). С. 129–157.

Кондратюк Г. Н. Национальная политика в Крымской АССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12. № 1. С. 72–96.

Материалы совещания уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах. 1928. Стенографический отчет. М.: Изд-во ВЦИК, 1928. С. 174–175.

Рубаева Э. М. Экономический фактор и процесс коренизации в Северной Осетии в 1920–1930-е гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2022. Т. 22. № 2. С. 50–55.

Смирнова Т. М. Финская и эстонская секции Ленинградской организации писателей (1920–1930-е гг.) // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Ижевск, 04–07 июня 2019 года. Ижевск: Анны Зелениной, 2019. С. 340–346.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 23. Д. 9.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 23. Д. 15.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 23. Д. 56.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 23. Д. 145.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1150.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 8.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-9471. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2.

Шведова В. Б. Место цыган в условиях политики коренизации (на примере Крымской АССР) // Исследования в области гуманитарных наук: теория, методика, практика: Сборник статей научно-практической конференции. Ульяновск: ИП Кеньшенская В. В. (издательство «Зебра»), 2024. С. 24–27.

Шепталин А. А. Коллизии политики коренизации органов юстиции в национальных субъектах России в 1920–1930-е годы // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 12–20.

Шрадер Т. А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг. // Немцы и развитие образования в России: сборник научных трудов. СПб.: РАН, 1998. С. 260–268.

Эльбиздукаева Т. У., Мадаев М. Х. Политика коренизации партийно-государственного аппарата Чеченской автономной области в 1920–1930-е гг. // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: Материалы X Международного форума историков-кавказоведов, Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 года. Ростов-на-Дону: Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, 2023. С. 169–174.

Янсон П. М. Национальные меньшинства Ленинградской области: (сборник материалов). Ленинград: Орготдел Ленинградского Облисполкома, 1929. 103 с.

Яхутъ Ю. А. Реализация политики «коренизации» в Адыгейской автономной в 1920–1930-х годах: проблемы и достижения // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 4. С. 155–164.

References

Akzhigitov R. R. Svet i teni ukrainofil'stva: gosudarstvennaya politika ukrainizatsii i korenizatsii v SSSR v 1920-e gg. [The light and shadows of Ukrainophilia: The state policy of Ukrainization and Korenization in the USSR in the 1920s]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences]. 2025, no. 1 (73), pp. 110–123 (in Russian).

Aver'yanov A. V. Osobennosti politiki korenizatsii na Donu, Kubani i Stavropol'ye v 1920–1930-e gg. [Peculiarities of the policy of korenization in the Don, Kuban and Stavropol regions

in the 1920s and 1930s]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2021, no. 9–1, pp. 189–198 (in Russian).

Borisyonok E. Yu. *Fenomen sovetskoi ukrainizatsii. 1920–1930-e gody* [The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s.]. Moscow: Europa, 2013, 256 p. (in Russian).

Borisyonok E. Yu. Metody resheniya problemy natsional'nykh men'shinstv v Ukrainской SSR (1920–1930-e gg.) [Methods of solving the problem of national minorities in the Ukrainian SSR (1920–1930s)]. *Ehlektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2016, no. 5 (49), p. 4 (in Russian).

El'buzdukaeva T. U., Madaev M. Kh. Politika korenizatsii partiino-gosudarstvennogo apparata Chechenskoi avtonomnoi oblasti v 1920–1930-e gg. [The policy of the Korenization of the party and state apparatus of the Chechen Autonomous Region in the 1920s and 1930s]. *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura: Materialy X Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov, Rostov-na-Donu, 12–13 oktyabrya 2023 goda* [The peoples of the Caucasus in the XVIII–XXI centuries: history, politics, culture: Proceedings of the X International Forum of Historians of the Caucasus, Rostov-on-Don, October 12–13, 2023]. Rostov-on-Don: Federal Research Center, Southern Scientific Center of the RAS, 2023, pp. 169–174 (in Russian).

Gordina O. V. Sovetskiy period v istorii rossiiskikh shkol dlya vzroslykh (1917–1991 gody) [The Soviet period in the history of Russian schools for adults (1917–1991)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (ehlektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)]. 2014, no. 10, pp. 55–64 (in Russian).

Kamenskikh M. S. Belorusy i ukraintsy v natsional'noi politike Urala 1920–1930-kh gg. [Belarusians and Ukrainians in the national politics of the Urals in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences]. 2025, vol. 12, no. 4 (48), pp. 104–111 (in Russian).

Kobets O. V. Novaya ekonomicheskaya politika protiv belorusizatsii v 1920-e gg: Pskovskaya guberniya. [New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2025, vol. 30, no. 3, pp. 103–120 (in Russian).

Kodin E. V. Belorusskii frontir 1920-kh godov: sostoyalas' li belorusizatsiya v rossiisko-belorusskom prigranich'e? [The Belarusian frontier of the 1920s: did Belarusization take place in the Russian-Belarusian border area?]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2024, vol. 9, no. 3 (35), pp. 175–199 (in Russian).

Kodin E. V., Kobets O. V. Belorusizatsiya v rossiisko-belorusskom prigranich'e v viden'e Moskvy i regionov [Belarusization in the Russian-Belarusian borderland in the vision of Moscow and the regions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2025, vol. 70, no. 3, pp. 751–765 (in Russian).

Kodin E. V., Kobets O. V. Politika korenizatsii v Bryanskoy gubernii: dvoynoy belorussko-ukrainsky frontir 1920-kh godov [The policy of Korenization in the Bryansk province: the double Belarusian-Ukrainian frontier of the 1920s]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2025, vol. 10, no. 3 (39), pp. 129–157 (in Russian).

Kondratyuk G. N. Natsional'naya politika v Krymskoi ASSR v mezhoennyy period (1920–1930-e gg.) [National policy in the Crimean ASSR in the interwar period (1920–1930s)].

Krymskoe istoricheskoe obozrenie [Crimean Historical Review]. 2025, vol. 12, no. 1, pp. 72–96 (in Russian).

Kyoppen P.I. Ob inorodcheskom, preimushchestvenno nemetskom naselenii Sankt Peterburgskoi gubernii [About the non-native, predominantly German population of the St. Petersburg province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1850, pt. II, pp. 181–209 (in Russian).

Materialy soveshchaniya upolnomochennykh po rabote sredi natsional'nykh men'shinstv pri TSIKakh avtonomnykh respublik, oblastnykh, kraevykh i gubernskikh ispolnitel'nykh komitetakh. 1928. *Stenograficheskii otchet* [Materials of the meeting of commissioners for work among national minorities at the Central Election Commissions of autonomous republics, regional, regional and provincial executive committees. 1928. Verbatim report]. Moscow: Publishing House of the Central Executive Committee, 1928, pp. 174–175 (in Russian).

Rubaeva E.M. Ekonomicheskii faktor i protsess korenizatsii v Severnoi Osetii v 1920–1930-e gg. [The economic factor and the process of korenization in North Ossetia in the 1920s and 1930s]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center]. 2022, vol. 22, no. 2, pp. 50–55 (in Russian).

Sheptalin A.A. Kollizii politiki korenizatsii organov yustitsii v natsional'nykh subyektakh Rossii v 1920–1930-e gody [Collisions of the policy of the korenization of judicial authorities in the national subjects of Russia in the 1920s and 1930s]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice]. 2023, no. 5, pp. 12–20 (in Russian).

Shrader T.A. Shkol'noe obrazovanie v nemetskiikh koloniyakh Leningradskoi gubernii v 20-kh gg. [School education in the German colonies of Leningrad province in the 20s]. *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii: sbornik nauchnykh trudov* [Germans and the development of education in Russia: collection of scientific papers]. St. Petersburg: RAS, 1998, pp. 260–268 (in Russian).

Shvedova V.B. Mesto tsygan v usloviyakh politiki korenizatsii (na primere Krymskoi ASSR) [The place of the Gypsies in the context of the policy of korenization (on the example of the Crimean ASSR)]. *Issledovaniya v oblasti gumanitarnykh nauk: teoriya, metodika, praktika: Sbornik statei nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Research in the field of humanities: theory, methodology, practice: Collection of articles of the scientific and practical conference]. Ulyanovsk: IP Kenshenskaya V.V. (Zebra Publishing House), 2024, pp. 24–27 (in Russian).

Smirnova T.M. Finskaya i estonskaya seksii Leningradskoi organizatsii pisatelei (1920–1930-e gg.) [The Finnish and Estonian sections of the Leningrad Writers' Organization (1920–1930s)]. *Finno-ugorskii mir v poliehtnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii finno-ugrovedov, Izhevsk, 04–07 iyunya 2019 goda* [The Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: a collection of articles based on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Scholars, Izhevsk, June 04–07 in 2019]. Izhevsk: Anna Zelenina, 2019, pp. 340–346 (in Russian) (in Russian).

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. 7179. Inventory 23. File 9 (in Russian).

Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. 7179. Inventory 23. File 15 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. 7179. Inventory 23. File 56 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. 7179. Inventory 23. File 145 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. R-2552. Inventory 1. File 1150 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. R-9471. Inventory 1. File 8 (in Russian).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Archive of St. Petersburg]. Fund. R-9471. Inventory 1. File 13. Part 2 (in Russian).

Yakhutl' Yu.A. Realizatsiya politiki “korenizatsii” v Adygeyskoi avtonomnoi v 1920-kh — 1930-kh godakh: problemy i dostizheniya [Implementation of the policy of “korenization” in the Adyghe Autonomous Republic in the 1920s — 1930s: problems and achievements]. *Ehlektronnyi zhurnal “Kavkazologiya”* [The electronic journal “Kavkazologiya”]. 2025, no. 4, pp. 155–164 (in Russian).

Yanson P.M. *Natsional'nye men'shinstva Leningradskoi oblasti: (sbornik materialov)* [National minorities of the Leningrad region: (collection of materials)]. Leningrad: Organizational Department of the Leningrad Regional Executive Committee, 1929, 103 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 23.06.2026

Принята к публикации: 20.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026